

МРНТИ: 04.21.51

JEL Classification: 015

DOI:<https://doi.org/10.52821/2789-4401-2025-5-77-92>

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ И МИГРАЦИОННЫЙ ДИСБАЛАНС

Ж. Ж. Аргынбаева¹

¹НАО «Университет Нархоз», г. Алматы, Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования. Цель статьи заключается в выявлении региональных дисбалансов в миграционных потоках Казахстана и их связи с уровнем доходов и расходов населения. Задача состоит в том, чтобы дать объективную оценку ситуации по регионам, а также проследить, как образовательная мобильность трансформирует структуру человеческого капитала. Особое внимание уделяется изменениям в Концепции миграционных устремлений и возможностей (aspirations–capabilities framework) [1] и процессам интеллектуализации миграции [2], что позволяет рассматривать миграцию не только как количественный отток, но и как качественное перераспределение знаний и компетенций.

Методология. Эмпирическую основу исследования составили данные Бюро национальной статистики Республики Казахстан (2000–2024), официальные статистические ресурсы (taldau.stat.gov.kz), а также международные базы Организации экономического сотрудничества и развития (OECD) [3], [4], Международная организация по миграции [5], Международного центра развития миграционной политики (ICMPD) [6] и Open Doors [7]. Для комплексной оценки были использованы четыре группы индикаторов: (1) доходы и расходы домохозяйств, уровень бедности; (2) демографические показатели (рождаемость, структура домохозяйств, урбанизация); (3) миграционные данные (сальдо внешней и внутренней миграции, потоки по странам и регионам, образовательная мобильность); (4) социальная инфраструктура (наличие вузов, численность студентов).

Применены методы сравнительного и структурного анализа для оценки взаимосвязи доходов, расходов, рождаемости и миграционных потоков, а также индексный подход для оценки региональной миграционной привлекательности. Также была проведена кластеризация регионов, что позволило выделить группы «регионов-доноров» и «регионов-реципиентов» человеческого капитала.

Оригинальность / ценность исследования. В исследовании впервые образовательная мобильность анализируется в контексте региональных миграционных дисбалансов и показателей социально-экономического развития. Исследование анализирует неочевидные взаимосвязи между миграционными потоками, доходами, расходами и демографической структурой регионов. Новизна исследования заключается в том, что миграция интерпретируется не только как количественный отток населения, но и как процесс интеллектуализации и перераспределения человеческого капитала.

Соответственно, подход позволяет выявить скрытые факторы устойчивости и уязвимости: от способности регионов с высокой рождаемостью частично компенсировать потери населения до рисков экономически благополучных территорий, где образовательная мобильность превращается в канал долговременного оттока человеческого капитала, усиливающий региональные диспропорции и влияющий на траектории устойчивого развития страны.

Результаты исследования.

Казахстан, несмотря на изменения объемов миграции в последние пять лет, сохраняет статус устойчивого канала «утечки умов» [8]. Роль Казахстана в качестве источника человеческого капитала, усиливается накопленными региональными различиями в мотивации и несет дополнительные риски для долгосрочного устойчивого развития. Одновременно высокий уровень бедности ограничивает мобильность, формируя феномен «невынужденной иммобильности».

Региональная специфика проявляется в устойчивой асимметрии: северные и восточные области функционируют как доноры квалифицированного человеческого капитала, в то время как южные и западные территории компенсируют миграционные потери за счёт повышенной рождаемости и внутренних миграционных потоков. Образовательная миграция закрепилась в качестве ключевого канала «утечки мозгов», охватывающего преимущественно высококвалифицированные профессиональные группы (педагоги, экономисты, юристы, технические специалисты), что усиливает риски для инновационного развития и устойчивости экономики.

Таким образом, результаты исследования фиксируют институционализацию образовательной мобильности как структурного фактора пространственного перераспределения человеческого капитала и подчеркивают необходимость разработки регионально-ориентированных мер миграционной политики, направленных на минимизацию демографических и социально-экономических дисбалансов. В целом, результаты подчёркивают необходимость интеграции регионально-специфических мер в миграционную политику, направленных на минимизацию рисков демографических особенностей регионов и стимулирование репатриации квалифицированных кадров для укрепления национального человеческого потенциала.

Ключевые слова: образовательная мобильность; утечка умов; региональные дисбалансы; человеческий капитал; устойчивое развитие.

Благодарность. Данное исследование проведено в рамках реализации проекта АР22683402 «Внешняя образовательная и трудовая миграция казахстанской молодежи: тенденции и риски» (2024-2026 гг.) по заказу Комитета науки МНВО РК.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Образовательная миграция в Казахстане из индивидуальной стратегии расширения возможностей постепенно трансформировалась в структурную проблему, оказывающую институциональное влияние на социально-экономическое развитие страны. На протяжении всего постсоветского периода республика сохраняет статус донора человеческого капитала. По данным Международной организации по миграции, миграционное сальдо остаётся отрицательным, особенно среди молодёжи и специалистов старше 15 лет [6]. При этом доля обучающихся за рубежом студентов из Казахстана составляет около 10,8%, что значительно выше среднемирового показателя в 2,7% [4].

Парадокс заключается в том, что рост среднедушевых доходов населения не приводит к снижению миграционной активности, а напротив, стимулирует отток квалифицированных кадров, включая образовательную мобильность. Таким образом, наряду с традиционными факторами, бедностью и безработицей, всё большую значимость приобретают факторы, связанные с доступом к глобальным образовательным и карьерным возможностям [9], [4].

Дополнительным вызовом выступают региональные диспропорции. Южные регионы с высокой рождаемостью аккумулируют демографический прирост, тогда как северные и восточные области фиксируют устойчивую депопуляцию [10]. В глобальном контексте образовательная миграция становится важным каналом привлечения высококвалифицированных специалистов, что увеличивает риски для Казахстана как страны-донора [6]. Динамика официальных статистических данных подтверждает устойчивость канала «утечки умов» как в региональном разрезе, так по специальностям, указывают на риски потери человеческого капитала в долгосрочной перспективе [11].

В международном измерении ситуация осложняется ростом конкуренции за таланты:, образовательная миграция становится одним из ключевых каналов привлечения высококвалифицированных специалистов в развитые экономики [12]. При этом исследователи отмечают, что миграция носит характер «интеллектуализации», так как происходит системное перераспределение знаний, навыков и инновационного потенциала между странами [2]. В условиях Казахстана риски долгосрочной утраты человеческого капитала более актуальны, поскольку образовательная мобильность не сопровождается возвратом специалистов [13] и ограничена спросом на внутреннем рынке труда [14].

Обзор литературы. Современные миграционные исследования прошли путь от классических моделей «толчка–притяжения» (push-pull) к многофакторным рамкам, учитывающим субъективные мотивы и объективные ограничения [15]. Концепция «стремления–возможности» (aspirations–capabilities) трактует миграцию как результат взаимодействия желаний индивида и его ресурсов, правовых режимов и социальных сетей [7]. Подразумевается, что рост доходов и социального капитала расширяет «возможности» к выезду, тогда как институциональные барьеры их сужают. Дополняя подход, Schewel вводит категорию «невынужденной иммобильности» (*involuntary immobility*) [16], показывая, что высокая мотивация к миграции может не реализоваться из-за финансовых, визовых и инфраструктурных ограничений. Такой подход особенно актуален при анализе образовательной мобильности, где решение об отъезде опосредовано доступом к финансам, информации и каналам академической миграции [17].

Исследования в отношении «интеллектуализации миграции» [2] рассматривают перемещение не только как смену местожительства индивидуумов, но и как перераспределение знаний и компетенций, то есть как часть глобальной или региональной конкуренции за человеческий капитал [18]. Концепция *intellectual migration analytics* демонстрирует, что в современном мире именно институциональные механизмы закрепления выпускников на принимающих рынках труда становятся определяющим фактором устойчивого развития [19]. В эмпирическом измерении данные об образовательных потоках подтверждают рост международной конкуренции за студентов и молодых специалистов: по оценкам OECD, образовательная миграция стала устойчивым каналом привлечения квалифицированных кадров и последующего трудоустройства, особенно в странах с развитыми механизмами интеграции и «постакадемическими» маршрутами [20], [4], [21].

Организации, формирующие глобальные стандарты политики, выделяют два взаимосвязанных измерения: образовательные исходы и социальная интеграция. Исследования OECD по благополучию и стойкости учащихся с миграционным прошлым показывают, что качество образовательной среды и поддерживающие институты напрямую влияют на результаты и последующие решения о закреплении в принимающих странах [21]. Отчеты Международной организации по миграции выявляют структурные пробелы в национальной статистике стран-доноров, затрудняющие мониторинг образовательной миграции и оценку возврата человеческого капитала [5], а в ситуационных обзорах фиксируют устойчивость оттока при изменяющихся внешних условиях [6]. Мировой банк связывает мобильность квалифицированной рабочей силы с перестройкой глобальных цепочек добавленной стоимости: места концентрации высокотехнологичных сегментов и центры знаний формируют устойчивый спрос на человеческий капитал [9]. В глобальном аспекте фиксируется рост конкуренции за студентов, что усиливает привлекательность стран с благоприятными визовыми режимами и программами перехода от обучения к занятости [22]. Для стран-доноров это означает структурные риски закрепления выпускников за рубежом [23].

Эмпирическая литература по Казахстану подчёркивает, что страна на протяжении постсоветского периода остаётся донором человеческого капитала, при этом отток усиливается в группах молодёжи и специалистов [24], [25]. Учитывая, что в течение последних 3 лет доля казахстанских студентов за рубежом заметно выше среднемировой (по международным источникам — порядка 10,8% против ~2,7%) [13], что подтверждается и специализированными срезами по направлениям обучения [4]. Внутристранные исследования демонстрируют территориальную неоднородность: демографическая устойчивость юга и агломераций контрастирует с депопуляционными тенденциями северных и восточных регионов, что влияет на пространственное распределение миграционных «стремлений» и «возможностей» [8], [26].

Сопоставление теоретических рамок и эмпирических данных указывает на институциональную природу наблюдаемых трендов. Отток усиливается там, где внешние правила приёма студентов и молодых специалистов, качество образовательной экосистемы, а также карьерные возможности в принимающих странах создают устойчивые маршруты закрепления [19]. С другой стороны, внутри страны ключевыми остаются межрегиональные различия в доходах, структуре домохозяйств и демографии, которые по-разному формируют «возможности» к мобильности и/или удержанию [27].

Таким образом, феномен оттока человеческого капитала следует рассматривать не только как индивидуальный выбор, но и как институциональное последствие структурных различий в доходах, дисбалансов в региональной демографической ситуации и трендов, а также благоприятных внешних условий для миграции в условиях глобальной конкуренции за кадры.

Основные положения исследования. Исследование посвящено анализу образовательной мобильности и ее роли в формировании региональных миграционных дисбалансов Казахстана. Гипотеза исследования заключается в том, что рост доходов и социально-экономические различия регионов усиливают отток человеческого капитала, тогда как бедность формирует «невынужденную иммобильность»[16].

Цель исследования заключается в определении взаимосвязей между образовательной миграцией, социально-экономическими показателями и региональными демографическими различиями, а также вкладу миграции в устойчивое развитие страны. Соответственно, задачами исследования определены (1) проведение корреляционного анализа миграционного сальдо и социально-экономических индикаторов; (2) выявление роли образовательной мобильности в международных потоках человеческого капитала; (3) разработка рекомендации для государственной миграционной политики.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Применяемые методы исследования. Методология настоящего исследования опирается на комплексный эмпирический подход, интегрирующий статистические данные и аналитические инструменты для оценки миграционных процессов в региональном и национальном контексте Республики Казахстан. Основу составляют официальные данные Бюро национальной статистики Республики Казахстан за период 2000–2024 гг., включая индикаторы доходов, расходов, демографических характеристик и миграционных потоков[28–32], а также международные источники: отчеты Организации экономического сотрудничества и развития [3,4,33], Международной организации по миграции [5,6] и данные по глобальной образовательной мобильности [24]. Дополнительно использованы материалы Международного центра развития миграционной политики [25] для анализа институциональных аспектов миграции.

1. Корреляционный анализ. Оценка степени взаимосвязи между ключевыми переменными: среднедушевыми доходами, индексом бедности, fertильностью (среднее число детей в домохозяйстве) и миграционным сальдо. Расчет коэффициентов корреляции Пирсона проведен на основе региональных данных 2024 г. (Таблица 1 Приложения), что позволило выявить неочевидные зависимости, такие как парадоксальный эффект доходов на миграцию.

2. Структурный и сравнительный анализ. Сравнение динамики миграционных потоков по годам (Таблица 2 Приложения) и по регионам с учетом специальностей (Таблица 3 Приложения), с акцентом на различия между "регионами-донорами" (отрицательное сальдо) и "регионами-реципиентами" (положительное сальдо). Анализ включает оценку вклада образовательной и профессиональной мобильности в общий отток человеческого капитала.

3. Кластеризация регионов. Иерархическая кластеризация на основе миграционного сальдо, доходов и демографических индикаторов для выделения групп регионов с различной уязвимостью (данные в приложении). Критерием служит знак сальдо миграции: положительное — реципиенты (привлекающие население), отрицательное — доноры (источники оттока).

Теоретические рамки, в частности, модель De Haas [1] и концепция "невынужденной иммобилности" Schewel [16] были использованы для интерпретации результатов: миграция трактуется не только как количественный процесс, но и как качественное перераспределение человеческого капитала, включая интеллектуализацию мобильности. Комбинированный подход позволил выявить связи между образовательной миграцией, региональными дисбалансами и устойчивым развитием.

Анализ эмпирических данных. Эмпирический анализ опирается на представленные в Приложении 1 таблицы, отражающие ключевые индикаторы миграционных и социально-экономических процессов в Казахстане. Таблица 1 предоставляет срез по регионам за 2024 г., включая среднедушевые денежные доходы, расходы на продовольствие, сальдо миграции, среднее число детей в домохозяйстве и численность населения с доходами ниже прожиточного минимума. Таблица 2 иллюстрирует динамику

национального сальдо внешней миграции за 2000–2024 гг., а Таблица 3 детализирует сальдо по регионам и типам специальностей за тот же период.

Динамика национального миграционного сальдо. Анализ показывает значительную волатильность миграционных потоков: в начале 2000-х гг. наблюдался устойчивый отток (сальдо от -108 307 чел. в 2000 г. до -83 062 чел. в 2001 г.), что отражало постсоветские трансформации и экономические кризисы.

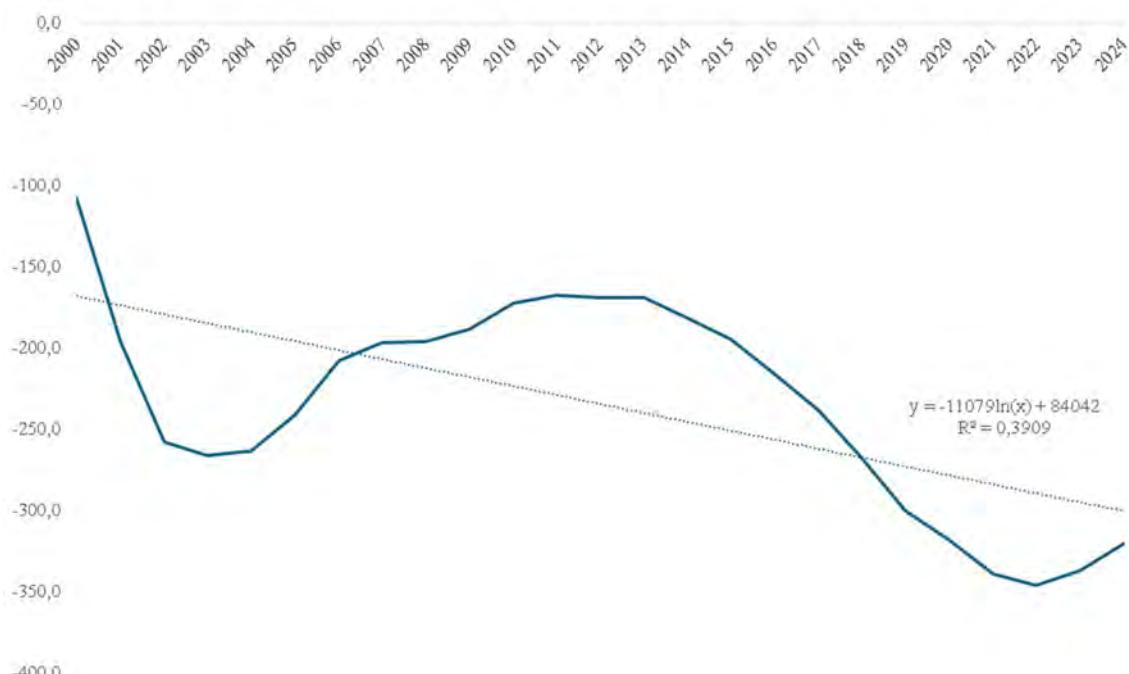

Рисунок 1 – Динамика потерь человеческого капитала, накоплением за период 2000–2024 годы, тысяч человек

Примечание – составлено автором на основе источника [29]

Как видно на рисунке 1, перелом произошел в 2004–2007 гг., когда сальдо стало положительным (до +33 041 чел. в 2006 г.). Однако с 2012 г. тенденция к оттоку возобновилась, достигнув минимума в -32 970 чел. в 2019 г., с частичным восстановлением в постпандемийный период: +9 293 чел. в 2023 г. и +16 550 чел. в 2024 году[32].

Общая траектория графика подчеркивает персистентный негативный тренд, подтверждающий статус Казахстана как донора человеческого капитала. Кумулятивное сальдо за период составляет порядка -268 тыс. человек (с учетом детализации по специальностям в Таблице 3), что усиливает региональные дисбалансы: южные и западные регионы частично компенсируют потери за счет внутренней миграции и фертильности, в то время как северные и восточные территории испытывают усугубленную депопуляцию. В контексте образовательной мобильности отток преимущественно затрагивает квалифицированные группы (педагоги, экономисты, юристы), способствуя "утечке мозгов" и снижению инновационного потенциала.

Кумулятивное сальдо за период остается отрицательным, подтверждая статус Казахстана как донора человеческого капитала. Коэффициент детерминации указывает на умеренную объясняющую способность модели: около 39% вариации наблюдаемых данных объясняется нелинейным трендом, что свидетельствует о значимом, но не доминирующем влиянии долгосрочной динамики на миграционные потоки. Результаты соответствуют теоретическим рамкам, в которой миграционные "возможности" индивидов расширяются нелинейно со временем, а институциональные барьеры (визовые режимы, экономическая интеграция) приводят к асимптотическому приближению к равновесию. Проведенное упрощенное моделирование подтверждает гипотезу исследования: несмотря на недавнее улучшение,

долгосрочная траектория усиливает риски для устойчивого развития, особенно в демографически уязвимых регионах. Внешние факторы (геополитика, глобальные кризисы) сужают "возможности" для притока, усиливая отток квалифицированных кадров.

Региональные дисбалансы и кластеризация. Кластеризация регионов по сальдо миграции выявляет четкое разделение: реципиентами выступают преимущественно южные и западные регионы с положительным сальдо (Алматинская область: +1 901 чел.; Атырауская область: +3 404 чел.; г. Шымкент: +1 552 чел.; Мангистауская область: +17 451 чел.; Туркестанская область: +574 чел.), где миграционные приток компенсирует демографические потери за счет повышенной фертильности (среднее число детей 1,2–2,0) и экономическим факторам [28,30,34]. Напротив, донорами являются северные, восточные и центральные регионы с выраженным оттоком (Восточно-Казахстанская область: -57 429 чел.; Карагандинская область: -50 839 чел.; Костанайская область: -47 465 чел.; Павлодарская область: -42 929 чел.), где низкая фертильность (0,6–1,0 детей) усугубляет депопуляцию [19, 30]. Мегаполисы (г. Алматы: -14 312 чел.; г. Астана: -7 914 чел.) демонстрируют смешанную картину: приток внутренней миграции не компенсирует внешний отток квалифицированных специалистов.

Корреляционный анализ по Таблице 1 подтверждает контраинтуитивные зависимости. Коэффициент корреляции между среднедушевыми доходами и миграционным сальдо составляет $-0,57$ ($r = -0,57$), что близко к ранее указанному значению $-0,62$ и указывает на отрицательную связь: регионы с высокими доходами (г. Астана: 1 945 177 тг.; г. Алматы: 1 749 763 тг.; Карагандинская область: 1 748 461 тг.) характеризуются усиленным оттоком, включая образовательную мобильность [18]. Казахстанская статистика подтверждает, что благосостояние стимулирует доступ к глобальным или внешним образовательным и карьерным рынкам, превращая мобильность в канал "утечки мозгов"[23].

Симметрично, связь между индексом бедности и сальдо слабоположительная ($r = 0,20$, на основе доступных данных для 11 регионов), подчеркивая феномен "невынужденной иммобильности": в бедных регионах (г. Шымкент: 8 793 чел. ниже прожиточного минимума; Восточно-Казахстанская область: 2 935 чел.) финансовые барьеры ингибируют миграцию, несмотря на мотивацию, формируя стагнацию населения. Положительная корреляция между фертильностью и сальдо ($r = 0,73$) подтверждает компенсаторный эффект: южные регионы (Туркестанская область: 2,0 детей; Кызылординская область: 1,7) частично нейтрализуют отток за счет демографического прироста, обеспечивая латентную устойчивость [26].

Специфика оттока по специальностям. Детализация по типам специальностей за 2000–2024 гг. (Таблица 3 Приложения) раскрывает структуру "утечки умов": общий отток квалифицированных кадров доминирует в педагогических (-29 288 чел.), экономических (-39 150 чел.) и юридических (-8 380 чел.) областях, что отражает несоответствие внутреннего спроса и глобальных возможностей [4, 7]. Северные и восточные регионы (Восточно-Казахстанская: -57 429 чел. всего; Северо-Казахстанская: -33 663 чел.) лидируют по оттоку в технических и педагогических специальностях, усугубляя региональные диспропорции. Южные регионы (Южно-Казахстанская: +20 461 чел.; Мангистауская: +17 451 чел.) фиксируют положительное сальдо в медицинских и сельскохозяйственных областях [29], благодаря локальной экономике и фертильности. Кумулятивно, отток в "других" специальностях (-66 108 чел.) включает образовательную мобильность, где Казахстан теряет таланты в пользу развитых экономик [29].

Эмпирический массив данных, соотнесённый с теоретическими конструкциями, включая парадигму «стремлений–возможностей» и модель интеллектуализации миграции [2], демонстрирует динамику эволюции миграционных процессов в Казахстане. Сегмент образовательной и молодежной миграции трансформировался из преимущественно демографического феномена, измеряемого посредством количественных индикаторов (объёмы иммиграции и эмиграции) и качественных параметров (мотивационные профили индивидов), в многоуровневый экономико-институциональный механизм. В рамках данного сдвига миграция проявляется как изменение потенциала человеческого капитала, который, в свою очередь, обеспечивает устойчивость национальной экономики [35].

Детерминанты институционального уровня, такие как визовые режимы и программы репатриации, выполняют функцию модераторов рисков «утечки мозгов» и межрегиональных дисбалансов, акцентируя переход миграции из демографического домена в экономический. В последнем она закрепляется

в качестве структурообразующего фактора конкурентоспособности и распределения ресурсных потоков. Следует отметить, что регулирование должно осуществляться, в том числе, на уровне стратегических документов государственного управления [36].

Достижение цели и решение задач. Эмпирические данные подтверждают наличие взаимосвязей между образовательной миграцией, социально-экономическими индикаторами и региональными демографическими асимметриями, которые можно использовать для формирования политик устойчивого развития Республики Казахстан. Полученные результаты верифицировали ключевую гипотезу: рост уровня доходов населения сопровождается усилением внешнего оттока человеческого капитала, тогда как образовательная мобильность институционализируется как базовый канал «утечки мозгов». Выявленный коэффициент корреляции между среднедушевыми доходами и миграционным сальдо эмпирически фиксирует парадокс благосостояния: рост доходов выступает катализатором внешней миграции, включая образовательные потоки, что полностью согласуется с концептуальными рамками.

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ (ВЫВОДЫ)

Исследование подтвердило, что образовательная миграция в Казахстане вышла из исключительно демографического домена и трансформировалась в многоуровневый экономический и институциональный феномен. «Утечки мозгов» также становится фактором пространственного перераспределения человеческого капитала, оказывая значимое воздействие на инновационный потенциал и устойчивость региональной и национальной экономики. Эмпирический анализ выявил комплекс взаимосвязей между миграционными потоками, уровнем доходов, демографическими характеристиками регионов и структурными особенностями внутреннего спроса на рабочую силу.

Результаты исследования. Во-первых, Казахстан сохраняет статус донора человеческого капитала: отрицательное кумулятивное миграционное сальдо за 2000–2024 гг. составило около –268 тыс. человек, что подтверждает устойчивость канала «утечки умов» и долгосрочные риски для демографической и экономической стабильности.

Во-вторых, выявлена выраженная региональная асимметрия: северные и восточные области устойчиво функционируют как регионы-доноры, тогда как южные и западные территории выступают реципиентами человеческого капитала, частично компенсируя потери за счёт fertильности и внутренней миграции. В-третьих, установлен парадокс благосостояния: рост доходов населения коррелирует с усилением внешней миграции, в то время как бедность формирует феномен «невынужденной иммобилизации», ограничивающий реализацию миграционных намерений.

В-четвёртых, образовательная миграция закрепилась как ключевой канал «утечки мозгов», охватывающий квалифицированные профессиональные группы (педагогов, экономистов, юристов, технических специалистов). При этом возвратная мобильность остаётся крайне ограниченной, что снижает инновационный потенциал и усиливает региональные диспропорции.

Таким образом, образовательная миграция выступает не только индикатором социально-экономических различий, но и самостоятельным детерминантом устойчивого развития, требующим институционального реагирования на региональном и национальных уровнях.

Практические предложения и рекомендации. Приоритетные меры по формированию регионально-ориентированной миграционной политики должны быть направлены на демографически уязвимые территории (север и восток) и включать целевые программы стимулирования репатриации специалистов.

Кроме того, рекомендуется принять меры по следующим направлениям:

1) Инвестиции в образовательную инфраструктуру. Создание специализированных центров подготовки и исследовательских хабов в регионах-донорских зонах позволит снизить зависимость от внешних образовательных траекторий.

2) Развитие институциональных механизмов удержания. Внедрение программ карьерного роста, поддержки молодых специалистов и интеграции «зелёных» компетенций усилит конкурентоспособность национального человеческого капитала и повысит вероятность возвратной миграции.

3) Мониторинг и статистическое сопровождение. Необходимо совершенствовать национальные базы данных по образовательной и трудовой миграции для обеспечения своевременной оценки рисков и адаптации политики.

Ограничения исследования. Следует отметить ряд ограничений настоящего исследования. Во-первых, статистическая база по образовательной миграции остаётся неполной, что обусловлено несовершенством официального учёта возвратной мобильности и трудоустройства выпускников за рубежом. Во-вторых, использованные корреляционные методы фиксируют взаимосвязи, но не позволяют в полной мере раскрыть причинно-следственные механизмы. В-третьих, значительное влияние внешних факторов (геополитика, визовые режимы принимающих стран, глобальные кризисы) ограничивает возможность экстраполяции полученных выводов в долгосрочной перспективе. Следует отметить, что исследование фокусируется на национальном и региональном уровнях, оставляя вне поля зрения индивидуальные образовательные траектории, которые должны быть отдельным объектом научных исследований.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Таблица 1 – Основные статистические индикаторы по регионам Казахстана, 2024 год

Регион	Денежные доходы, в среднем на душу населения	Денежные расходы населения на продовольственные товары, в среднем на душу населения	Сальдо миграции, человек	Среднее число детей в домашнем хозяйстве	Общая численность населения с доходами ниже стоимости продовольственной корзины
Акмолинская область	1342530	485228	-30136	0,9	1727
Актюбинская область	1252573	449651	-9136	1,5	
Алматинская область	1115075	534678	1901	1,2	1521
Атырауская область	1127295	485381	3404	1,5	
Восточно-Казахстанская область	1633404	615446	-57429	0,6	2935
г.Алматы	1749763	743095	-14312	0,7	1834
г.Астана	1945177	611756	-7914	1	
г.Шымкент	959893	456275	1552	1,3	8793
Жамбылская область	947969	560630	-8248	1,4	709
Западно-Казахстанская область	1306923	488678	-9368	1,2	
Карагандинская область	1748461	556143	-50839	0,9	
Костанайская область	1585184	510057	-47465	0,7	815
Кызылординская область	1028103	417406	-439	1,7	
Мангистауская область	1260544	553727	17451	1,6	
область Абай	1208889	486412	-727	1	2664
область Жетісу	1023757	593817	-97	1,1	951
область Ұлытау	1575813	548552	-240	1,5	1089
Павлодарская область	1471913	532047	-42929	1	
Северо-Казахстанская область	1426026	525176	-33663	0,6	705
Туркестанская область	883231	444467	574	2	1913

Примечание – составлено на основании источников [10,28–30,34]

Таблица 2 – Динамика сальдо внешней миграции

Год	Сальдо внешней миграции населения Республики Казахстан, человек
2000	-108307
2001	-88162
2002	-62012
2003	-8306
2004	2789
2005	22668
2006	33041
2007	10962
2008	1117
2009	7526
2010	15516
2011	5096
2012	-1426
2013	-279
2014	-12162
2015	-13466
2016	-21145
2017	-22130
2018	-29121
2019	-32970
2020	-17718
2021	-21217
2022	-6722
2023	9293
2024	16550
Примечание – составлено на основании источника [32]	

Таблица 3 – Динамика сальдо внешней миграции по регионам и типам специальности за 2000–2024 годы, человек

Регион	Техническое	Сельскохозяйственное	Архитектурно-строительное	Медицинское	Педагогическое	Экономическое	Юридическое	Другое	Не указавшие	Всего
Южно-Казахстанская область	2784	1063	2160	3621	4215	1692	476	3853	597	20461
Мангистауская область	4100	586	326	1060	2019	1032	266	7814	248	17451
Атырауская область	550	268	183	465	467	341	145	949	36	3404
Алматинская область	-1207	264	240	686	927	105	-3	738	151	1901
г.Шымкент	90	94	36	260	198	19	56	799		1552
Туркестанская область	152	28	22	85	49	55	13	170		574
область Жетісу	-20	-4	-9	-1	-3	-27	2	-35		-97
область Ұлытау	-129	4	-3	-12	-14	-38	-2	-46		-240

Кызылординская область	-334	-11	0	-46	-59	-43	-37	81	10	-439
область Абай	-289	-19	-18	-48	-73	-89	-17	-174		-727
г.Астана	-3533	-273	-608	-941	-836	-1522	-257	-576	632	-7914
Жамбылская об- ласть	-2514	-8	-285	104	-740	-787	-175	-3960	117	-8248
Актюбинская об- ласть	-4071	85	-397	-513	-1203	-1672	-359	-1141	135	-9136
Западно-Казахс- танская область	-2327	-38	-301	-400	-1453	-1684	-243	-2990	68	-9368
г.Алматы	-2256	168	-3976	665	-22	-244	-71	-8791	215	-14312
Ақмолинская об- ласть	-8381	-2136	-1164	-2195	-4001	-4183	-849	-7290	63	-30136
Северо-Казахстан- ская область	-8391	-2405	-1075	-1983	-5626	-4726	-1426	-8074	43	-33663
Павлодарская об- ласть	-17182	-955	-1181	-2200	-4717	-5548	-912	-9949	-285	-42929
Костанайская об- ласть	-13913	-2991	-1783	-2391	-6021	-6697	-1618	-12144	93	-47465
Карагандинская область	-20990	-373	-1256	-3345	-5804	-6873	-1535	-10500	-163	-50839
Восточно-казахс- танская область	-18855	-1327	-2146	-3699	-6591	-8261	-1834	-14842	126	-57429
Итого	-96716	-7980	-11235	-10828	-29288	-39150	-8380	-66108	2086	-267599

Примечание – составлено на основании источника [34]

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. De Haas H. A theory of migration: the aspirations-capabilities framework // Comparative Migration Studies. – 2021. – Vol. 9, № 1.
2. Li W., Lo L., Lu Y. Introduction: the intellectual migration analytics // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2023. – Vol. 49, № 18. – P. 4577–4597.
3. OECD. Society at a Glance 2024: OECD Social Indicators. – Paris : OECD, 2024.
4. OECD. International Migration Outlook 2022. – Paris : OECD, 2022.
5. International Organization for Migration (IOM). Migration Data Gap Analysis: Kazakhstan. – Berlin ; Astana : International Organization for Migration, Global Data Institute, 2024.
6. International Organization for Migration (IOM). Kazakhstan Migration Situation Report: January – March 2025. – Berlin ; Astana ; Almaty : International Organization for Migration, Global Data Institute, 2025.
7. Institute of International Education. Open Doors 2023: Kazakhstan Fact Sheet. – New York : Institute of International Education, 2023.
8. Tilekova Z., Aldabergenov D. Methodological aspects of studying the impact of migration on the territorial organization of the population in the Republic of Kazakhstan // Journal of Geography and Environmental Management. – 2024. – Vol. 75, № 4.
9. World Bank. World Development Report 2020: Trading for Development in the Age of Global Value Chains. – Washington, DC : World Bank, 2020.
10. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Численность населения Республики Казахстан по полу и типу местности (на 1 июля 2025 г.). – 2025.
11. Gaysina S. N., Chulanova Z. K., Dzhumashev N. M. Socio-Economic Risks of Internal Migration Processes and Their Impact on the Socio-Territorial Mobility of the Population of Kazakhstan // Economy: Strategy and Practice. – 2023. – Vol. 18, № 3. – P. 174–188.
12. Nyusupova G. N. и др. Migration trends in Kazakhstan related to geopolitical situations // Journal of Geography and Environmental Management. – 2025. – Vol. 77, № 2.

13. UNESCO Institute for Statistics. Net Flow of Internationally Mobile Students (Inbound–Outbound), Both Sexes, Kazakhstan. – 2025.
14. Zhalmina K. International Educational Migration: Case of Kazakhstan // Eurasian Journal of Economic and Business Studies. – 2021. – Vol. 3, № 61.
15. Migration Theory: Talking Across Disciplines / ред. Hollifield J. F., Brettell C. B. – London ; New York : Routledge, 2000.
16. Schewel K. Understanding Immobility: Moving Beyond the Mobility Bias in Migration Studies // International Migration Review. – 2020. – Vol. 54, № 2. – P. 328–355.
17. Hollings S., Green B. J. “Locked Out” of China: International Higher Education Students’ Experiences with Involuntary Immobility during Covid-19 // Beijing International Review of Education. – 2024. – Vol. 6, № 3–4. – P. 225–248.
18. Shpektorenko I. и др. Causes and consequences of intellectual migration of human capital in the context of national security: public administrative aspect // Edelweiss Applied Science and Technology. – 2024. – Vol. 8, № 6. – P. 1322–1333.
19. Gariba M. I. и др. The impact of migration on intellectual capital: exploring the mediating role of digitalization, and institutional quality // Cogent Social Sciences. – 2025. – Vol. 11, № 1.
20. OECD. The Road to Integration: Education, Migration and Social Cohesion. – Paris : OECD, 2019.
21. OECD. The Resilience of Students with an Immigrant Background: Factors that Shape Well-being. – Paris : OECD, 2018.
22. Skikne C. Global Enrolment Benchmark Survey: Jan–Mar 2025 Intake. Global Summary Report. – Eindhoven : Studyportals ; NAFSA ; Oxford Test of English, 2025.
23. Kabiyev D. Kazakhstan & Central Asia: Brain Drain or Brain Gain? – 2025.
24. UNESCO. Higher Education Policy Observatory: Kazakhstan – Higher Education Snapshot and International Student Mobility. – 2024.
25. International Centre for Migration Policy Development. Migration Outlook: Eastern Europe and Central Asia 2024. – Vienna : ICMPD, 2024.
26. Serikzhanova S. S., Zhanuzakova A. A. Motives of internal migration in Kazakhstan: a comparative analysis on the example of three large cities // Journal of Psychology and Sociology. – 2022. – Vol. 81, № 2.
27. Tsaurkubule Z. и др. Assessment of competitiveness of regions of the Republic of Kazakhstan // Insights into Regional Development. – 2020. – Vol. 2, № 1. – P. 469–479.
28. Бюро национальной статистики Республики Казахстан. Среднее число детей в домашнем хозяйстве. – Астана : Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, 2024.
29. Бюро национальной статистики Республики Казахстан. Внешняя миграция населения в возрасте старше 15 лет по специальностям — сальдо миграции. – Астана : Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, 2024.
30. Бюро национальной статистики Республики Казахстан. Денежные доходы населения в среднем на душу населения. – Астана : Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, 2024.
31. Бюро национальной статистики Республики Казахстан. Внешняя миграция населения Республики Казахстан по странам. – Астана : Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, 2024.
32. Бюро национальной статистики Республики Казахстан. Внешняя миграция населения Республики Казахстан. – Астана : Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, 2024.
33. OECD. Education at a Glance 2020: OECD Indicators. – Paris : OECD, 2020.
34. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Миграция населения Республики Казахстан (2024 г.): Statistical Report. – Астана : Бюро национальной статистики РК, 2025.
35. Shutaleva A. и др. Migration Potential of Students and Development of Human Capital // Education Sciences. – 2022. – Vol. 12, № 5. – P. 324.
36. Правительство Республики Казахстан. Об утверждении Концепции государственной молодежной политики Республики Казахстан на 2023–2029 годы. – 2023.

REFERENCES

1. De Haas, H. (2021). A theory of migration: The aspirations–capabilities framework. *Comparative Migration Studies*, 9(1). Springer Science and Business Media LLC.
2. Li, W., Lo, L., & Lu, Y. (2023). Introduction: The intellectual migration analytics. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 49(18), 4577–4597. Informa UK Limited.
3. OECD. (2024). Society at a glance 2024: OECD social indicators. OECD.
4. OECD. (2022). International migration outlook 2022. OECD.
5. International Organization for Migration (IOM). (2024). Migration data gap analysis: Kazakhstan. Berlin; Astana: International Organization for Migration, Global Data Institute.
6. International Organization for Migration (IOM). (2025). Kazakhstan migration situation report: January – March 2025. Berlin; Astana; Almaty: International Organization for Migration, Global Data Institute.
7. Institute of International Education. (2023). Open doors 2023: Kazakhstan fact sheet. Institute of International Education (IIE).
8. Tilekova, Z., & Aldabergenov, D. (2024). Methodological aspects of studying the impact of migration on the territorial organization of the population in the Republic of Kazakhstan. *Journal of Geography and Environmental Management*, 75(4). al-Farabi Kazakh National University.
9. World Bank. (2020). World development report 2020: Trading for development in the age of global value chains. Washington, DC: World Bank.
10. Bureau natsional'noi statistiki Agentstva po strategicheskому planirovaniyu i reformam Respublikи Kazakhstan. (2025). Chislennost' naseleniya Respublikи Kazakhstan po polu i tipu mestnosti (na 1 iyulya 2025 g.). (In Russian).
11. Gaysina, S. N., Chulanova, Z. K., & Dzhumashev, N. M. (2023). Socio-economic risks of internal migration processes and their impact on the socio-territorial mobility of the population of Kazakhstan. *Economic Strategy and Practice*, 18(3), 174–188. Institute of Economics Science of the Republic of Kazakhstan.
12. Nyusupova, G. N., et al. (2025). Migration trends in Kazakhstan related to geopolitical situations. *Journal of Geography and Environmental Management*, 77(2). al-Farabi Kazakh National University.
13. UNESCO Institute for Statistics. (2025). Net flow of internationally mobile students (inbound – outbound), both sexes, Kazakhstan.
14. Zhalmira, K. (2021). International educational migration: Case of Kazakhstan. *Eurasian Journal of Economic and Business Studies*, 3(61). University of International Business.
15. Hollifield, J. F., & Brettell, C. B. (Eds.). (2000). *Migration theory: Talking across disciplines*. London; New York: Routledge.
16. Schewel, K. (2020). Understanding immobility: Moving beyond the mobility bias in migration studies. *International Migration Review*, 54(2), 328–355. SAGE Publications.
17. Hollings, S., & Green, B. J. (2024). “Locked out” of China: International higher education students’ experiences with involuntary immobility during Covid-19. *Beijing International Review of Education*, 6(3–4), 225–248. Walter de Gruyter GmbH.
18. Shpektorenko, I., et al. (2024). Causes and consequences of intellectual migration of human capital in the context of national security: Public administrative aspect. *Edelweiss Applied Science and Technology*, 8(6), 1322–1333. Learning Gate.
19. Gariba, M. I., et al. (2025). The impact of migration on intellectual capital: Exploring the mediating role of digitalization, and institutional quality. *Cogent Social Sciences*, 11(1). Informa UK Limited.
20. OECD. (2019). The road to integration: Education, migration and social cohesion. OECD.
21. OECD. (2018). The resilience of students with an immigrant background: Factors that shape well-being. OECD.
22. Skikne, C. (2025). Global enrolment benchmark survey: Jan–Mar 2025 intake. Global summary report. Eindhoven: Studyportals; NAFSA; Oxford Test of English.
23. Kabiiev, D. (2025). Kazakhstan & Central Asia: Brain drain or brain gain?
24. UNESCO. (2024). Higher education policy observatory: Kazakhstan – Higher education snapshot and international student mobility.

25. International Centre for Migration Policy Development (ICMPD). (2024). Migration outlook: Eastern Europe and Central Asia 2024. Vienna: ICMPD.
26. Serikzhanova, S. S., & Zhanuzakova, A. A. (2022). Motives of internal migration in Kazakhstan: A comparative analysis on the example of three large cities. Journal of Psychology and Sociology, 81(2). al-Farabi Kazakh National University.
27. Tsaurkubule, Z., et al. (2020). Assessment of competitiveness of regions of the Republic of Kazakhstan. Insights into Regional Development, 2(1), 469–479. UAB Sustainability for Regions.
28. Bureau natsional’noi statistiki Respubliki Kazakhstan. (2024). Srednee chislo detei v domashnem khozyaistve. Agentstvo po strategicheskому planirovaniyu i reformam Respubliki Kazakhstan. (In Russian).
29. Bureau natsional’noi statistiki Respubliki Kazakhstan. (2024). Vneshnyaya migratsiya naseleniya v vozraste starshe 15 let po spetsial’nostyam — saldo migratsii. Agentstvo po strategicheskому planirovaniyu i reformam Respubliki Kazakhstan. (In Russian).
30. Bureau natsional’noi statistiki Respubliki Kazakhstan. (2024). Denezhnye dokhody naseleniya v sredнем na dushu naseleniya. Agentstvo po strategicheskому planirovaniyu i reformam Respubliki Kazakhstan. (In Russian).
31. Bureau natsional’noi statistiki Respubliki Kazakhstan. (2024). Vneshnyaya migratsiya naseleniya Respubliki Kazakhstan po stranam. Agentstvo po strategicheskому planirovaniyu i reformam Respubliki Kazakhstan. (In Russian).
32. Bureau natsional’noi statistiki Respubliki Kazakhstan. (2024). Vneshnyaya migratsiya naseleniya Respubliki Kazakhstan. Agentstvo po strategicheskому planirovaniyu i reformam Respubliki Kazakhstan. (In Russian).
33. OECD. (2020). Education at a glance 2020: OECD indicators. OECD.
34. Bureau natsional’noi statistiki Agentstva po strategicheskому planirovaniyu i reformam Respubliki Kazakhstan. (2025). Migratsiya naseleniya Respubliki Kazakhstan (2024 g.): Statistical report. Astana: Bureau natsional’noi statistiki RK. (In Russian).
35. Shutaleva, A., et al. (2022). Migration potential of students and development of human capital. Education Sciences, 12(5), 324. MDPI AG.
36. Pravitel’stvo Respubliki Kazakhstan. (2023). Ob utverzhdenii Kontseptsii gosudarstvennoi molodezhnoi politiki Respubliki Kazakhstan na 2023–2029 gody. (In Russian).

БІЛІМ БЕРУ МОБИЛЬДІГІ ЖӘНЕ МИГРАЦИЯЛЫҚ ТЕҢГЕРІМСІЗДІК

Ж. Ж. Арғынбаева¹

¹«Нархоз Университеті» КЕАҚ, Алматы қ., Қазақстан

АНДАТПА

Зерттеудің мақсаты. Мақаланың негізгі мақсаты Қазақстандағы көші-кон ағындарындағы өнірлік тенгерімсіздіктерді анықтау және олардың халықтың кірістері мен шығыстарының деңгейімен байланысын зерттеу болып табылады. Зерттеу аймақтар бойынша жағдайға объективті баға беруді көздейді, сондай-ақ білім беру мобиЛЬділігінің адами капиталдың құрылымын қалай өзгертетінін бақылауға бағытталған. Ерекше назар көші-кон ұмтылыстары мен мүмкіндіктері тұжырымдамасының (aspirations-capabilities framework) [1] өзгерістеріне және көші-конды интеллектуализациялау процестеріне [2] аударылады, бұл көші-конды тек сандық кету ретінде емес, сонымен қатар білім мен құзыреттіліктің сапалық қайта бөлінуі ретінде қарастыруға мүмкіндік береді.

Әдістеме. Зерттеудің эмпирикалық негізін Қазақстан Республикасының Ұлттық статистика бюросының деректері (2000–2024 жж.), реєми статистикалық ресурстар (taldau.stat.gov.kz), сондай-ақ Экономикалық ынтымақтастық және даму ұйымының (OECD) халықаралық базалары [3], [4], Көші-кон жөніндегі халықаралық ұйым [5], Миграциялық саясатты дамыту халықаралық орталығы (ICMPD) [6] және Open Doors [7] құрады. Кешенді бағалау үшін индикаторлардың төрт тобы қолданылды:

(1) үй шаруашылықтарының кірістері мен шығыстары, кедейлік деңгейі; (2) демографиялық көрсеткіштер (туу коэффициенті, үй шаруашылықтарының құрылымы, урбанизация); (3) көші-қон деректері (сыртқы және ішкі көші-қон сальдосы, елдер мен өнірлер бойынша ағындар, білім беру мобиЛЬДІЛІГІ); (4) әлеуметтік инфракұрылым (жоғары оку орындарының болуы, студенттер саны).

Кірістер, шығыстар, туу коэффициенті және көші-қон ағындарының өзара байланысын бағалау үшін салыстырмалы және құрылымдық талдау әдістері қолданылды, сондай-ақ өнірлік көші-қон тартымдылығын бағалау үшін индекстік тәсіл пайдаланылды. Сонымен қатар, өнірлерді кластерлеу жүргізді, бұл адами капиталдың «донор» және «реципиент» өнірлері топтарын болуге мүмкіндік берді.

Зерттеудің өзіндік ерекшелігі / құндылығы. Зерттеуде білім беру мобиЛЬДІЛІГІ алғаш рет өнірлік көші-қон тенгерімсіздіктері және әлеуметтік-экономикалық даму көрсеткіштері аясында талданады. Зерттеу көші-қон ағындары, кірістер, шығыстар және өнірлердің демографиялық құрылымы арасындағы ерекше байланыстарды анықтайды. Зерттеудің жаңалығы көші-қонды тек халықтың сандық кетуі ретінде емес, сонымен қатар интеллектуализация және адами капиталдың қайта бөлу процесі ретінде интерпретациялауда жатыр.

Сол арқылы тәсіл тұрақтылық пен осалдықтың жасырын факторларын анықтауға мүмкіндік береді: туу деңгейі жоғары өнірлердің халық шығындарын ішінара өтеу қабілетінен бастап, экономикалық тұрғыдан тұрақты аумақтардағы білім беру мобиЛЬДІЛІГІНІҢ адами капиталдың ұзақ мерзімді кету арасына айналуына, бұл өнірлік диспропорцияларды күшейтіп, елдің тұрақты даму траекторияларына әсер ететін тәуекелдерге дейін.

Зерттеу нәтижелері. Соңғы бес жылдағы көші-қон көлемдерінің өзгеруіне қарамастан, Қазақстан «ақыл-ойдың ағуы» тұрақты арнасының мәртебесін сақтап келеді [8]. Елдің адами капитал көзі ретінде гі рөлі мотивациядағы жинақталған өнірлік айырмашылықтармен күшейеді, бұл ұзақ мерзімді тұрақты даму үшін қосымша тәуекелдер туғызады. Сонымен қатар, кедейліктің жоғары деңгейі ұтқырлықты шектеп, «мәжбүрлі иммобилділік» күбылысын қалыптастырады.

Өнірлік ерекшелік тұрақты асимметрияда көрініс табады: солтүстік және шығыс өнірлері білікті адами капиталдың доноры ретінде әрекет етсе, онтүстік және батыс өнірлері жоғары туу коэффициенті мен ішкі көші-қон ағындары арқылы көші-қон шығындарын өтейді. Білім беру көші-қоны неғізінен жоғары білікті кәсіби топтарды (педагогтар, экономистер, зангерлер, инженерлер) қамтып, «ақыл-ойдың кетуі» басты арнасы ретінде бекітілді, бұл инновациялық өсу мен макроэкономикалық тұрақтылық үшін тәуекелдерді күшейтеді.

Осылайша, зерттеу білім беру мобиЛЬДІЛІГІН адами капиталдың кеңістікте қайта бөлу құрылымдық детерминанты ретінде институционализациялайтынды растайды және демографиялық, әлеуметтік-экономикалық тенгерімсіздіктердің азайтуға бағытталған өнірлік дифференциацияланған көші-қон саясаты шараларын әзірлеу қажеттілігін көрсетеді.

Жалпы, нәтижелер көші-қон саясатына өнірлік ерекшеліктерге сай шараларды енгізуінде маңыздылығын атап өтеді, бұл өнірлердің демографиялық тәуекелдерін азайтуға және ұлттық адами әлеуетті нығайту үшін білікті кадрларды репатриациялауды ынталандыруға бағытталған.

Түйінди сөздер: білім беру мобиЛЬДІЛІГІ; ақыл-ойдың кетуі, өнірлік тенгерімсіздіктер; адами капитал; тұрақты даму.

Алғыс. Бұл зерттеу Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің тапсырысы бойынша АР22683402 «Қазақстандық жастардың сыртқы білім беру және еңбек көші-қоны: үрдістер мен тәуекелдер» (2024–2026 жж.) жобасын іске асыру аясында жүргізілді.

EDUCATIONAL MOBILITY AND MIGRATION IMBALANCE

Zhanar Argynbayeva¹

¹Narxoz University, Almaty, Kazakhstan

ABSTRACT

Purpose of the study. The purpose of this article is to identify regional imbalances in migration flows in Kazakhstan and to examine their relationship with household income and expenditure. The study seeks to provide an objective regional assessment and to trace how educational mobility transforms the structure of human capital. Particular attention is given to shifts within the aspirations–capabilities framework [1] and to the processes of migration intellectualization [2], which enable migration to be conceptualized not merely as a quantitative outflow, but also as a qualitative redistribution of knowledge and competencies.

Methodology. The empirical basis of the study consists of data from the Bureau of National Statistics of the Republic of Kazakhstan (2000–2024), official statistical resources (taldau.stat.gov.kz), as well as international databases of the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD) [3], [4], the International Organization for Migration [5], the International Center for Migration Policy Development (ICMPD) [6], and Open Doors [7]. Four groups of indicators were employed for a comprehensive assessment: (1) household income, expenditure, and poverty levels; (2) demographic indicators (fertility, household structure, urbanization); (3) migration data (balances of external and internal migration, flows by country and region, educational mobility); and (4) social infrastructure (availability of universities, number of students). Comparative and structural analysis methods were applied to assess the relationships between income, expenditure, fertility, and migration flows. In addition, an index-based approach was used to evaluate regional migration attractiveness, supplemented by regional cluster analysis, which allowed for the identification of “donor” and “recipient” regions of human capital.

Originality / value. For the first time, educational mobility is analyzed within the context of regional migration imbalances and socio-economic development indicators. The study highlights previously overlooked interconnections between migration flows, household income and expenditure, and the demographic structure of regions. Its novelty lies in the interpretation of migration not only as a quantitative outflow, but also as a process of intellectualization and redistribution of human capital. This approach enables the identification of hidden factors of resilience and vulnerability: from the ability of high-fertility regions to partially offset population losses to the risks faced by economically prosperous territories, where educational mobility becomes a channel for the long-term outflow of human capital, thereby reinforcing regional disparities and influencing national sustainable development trajectories.

Results. Despite fluctuations in migration volumes over the past five years, Kazakhstan continues to serve as a stable source of “brain drain” [8]. The country’s role as a provider of human capital is reinforced by persistent regional differences in migration motivations, which carry additional risks for long-term sustainable development. At the same time, high poverty levels constrain mobility, generating the phenomenon of “involuntary immobility.” Regional specificity is reflected in a persistent asymmetric: northern and eastern regions act as donors of qualified human capital, while southern and western regions offset migration losses through higher fertility and internal migration flows. Educational migration has become entrenched as a primary channel of “brain drain,” encompassing predominantly highly qualified professional groups (teachers, economists, lawyers, engineers), thereby amplifying risks to innovation-driven growth and macroeconomic stability.

In sum, the study documents the institutionalization of educational mobility as a structural determinant of the spatial redistribution of human capital and underscores the need for regionally differentiated migration policy measures aimed at minimizing demographic and socio-economic imbalances. More broadly, the findings emphasize the importance of integrating region-specific instruments into migration policy, including measures to mitigate regional demographic risks and to promote the repatriation of skilled professionals as a means of strengthening national human potential.

Keywords: educational mobility; brain drain; regional imbalances; human capital; sustainable development.

Acknowledgment. This research was conducted as part of the project AP22683402 “External Educational and Labor Migration of Kazakhstani Youth: Trends and Risks” (2024–2026), commissioned by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan.

ОБ АВТОРЕ

Аргынбаева Жанар Жумагаликызы, PhD, ассоциированный профессор, НАО «Университет Нархоз», г. Алматы, Казахстан, zhanar.argynbayeva@narxoz.kz

МРНТИ: 08.00.12; 08.00.13;

JEL Classification: I32, R11, O15, O10;

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2025-5-92-105>

ҚАЗАҚСТАННЫҢ АЙМАҚТЫҚ ҚҰРЫЛЫМЫНДА КЕДЕЙЛІК КӨРСЕТКІШТЕРІ ЖӘНЕ ОЛАРДЫҢ ДИНАМИКАСЫ

П. Н. Жиенбаева^{1*}, Е. Ә. Жиенбаев¹

¹Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, Алматы, Қазақстан Республикасы

АҢДАТПА

Бұл мақалада Қазақстан аймақтарындағы кедейлік деңгейінің динамикасы мен аймақтық ерекшеліктері жан-жақты зерттелді. *Зерттеудің мақсаты* – кедейліктің өзгерісін сипаттап, оған әсер етуші негізгі әлеуметтік-экономикалық факторларды анықтау.

Зерттеу әдіснамасы ретінде уақыттық және салыстырмалы талдау, корреляциялық және регрессиялық модельдеу, сондай-ақ Грэйндже себептілік және VAR-болжам әдістері қолданылды.

Мақаланың *ғылыми жаңалығы* – өнірлік ерекшеліктерді есепке ала отырып, кедейлікке әсер ететін факторлар арасындағы байланыстардың сандық модельдерін ұсыну.

Зерттеу нәтижелері кедейліктің тек табыспен ғана емес, жұмыссыздықпен, халық тығыздығымен және инфракұрылыммен тығыз байланыста екенін көрсетті. Кедейлікпен күрес саясатын тиімді жүзеге асыру үшін кешенді, аймақтық сараланған тәсілдер ұсынылады.

Түйін сөздер: кедейлік, аймақтық теңсіздік, әлеуметтік саясат, жұмыссыздық, корреляциялық модель, регрессиялық модель.

КІРІСПЕ

Кедейлік - адамзат тарихында әрдайым өзекті болған әлеуметтік-экономикалық құбылыс. Ол қоғамдағы ресурстардың теңсіз бөлінуінің, мұмкіндіктерге қолжетімділіктің шектелуінің, экономикалық даму мен әлеуметтік саясаттың тиімділігі арасындағы байланыстың айқын көрінісі болып табылады. Әлеуметтік тұрғыдан кедейлік адамның өмір сүру сапасын төмендетіп, білім алу, деңсаулық сақтау, еңбекке араласу және өз әлеуетін жүзеге асыру мүмкіндігін шектейді. Экономикалық тұрғыдан алғанда, кедейлік – адамның негізгі қажеттіліктерін (азық-түлік, баспа, киім-кешек, медициналық көмек, білім және т.б.) қанагаттандыруға қажетті ресурстардың жетіспеушілігімен сипатталады.

XXI ғасырдағы жаһандық даму үдерістері кедейлікпен құресті халықаралық күн тәртібіне шығарды. 2015 жылы БҮҮ Бас Ассамблеясында қабылдаған Тұрақты даму мақсаттарының (ТДМ) ішінде ең бірінші мақсат – 2030 жылға дейін әлемдегі кедейлікті екі есеге қысқарту болып белгіленген. Бұл көрсеткіштің өзектілігі, әсіресе, посткеңестік елдер мен дамушы мемлекеттер үшін өте жоғары. Себебі, бұл елдерде экономикалық реформалар мен әлеуметтік саясаттағы теңсіздіктер салдарынан кедейлік мәселесі күрделене түсude.